

имъ по духу существа, обитающія въ этой области. Подобно тому, какъ солнце, оставаясь неподвижнымъ на небѣ, изливаетъ во всѣ стороны свои свѣтоносные лучи, проникающіе всюду, даже въ мрачныя пропасти земли, такъ и человѣкъ долженъ былъ бы неизбежно утвердиться въ мудрости, простирая въ то же время свои духовныя способности воспріятія и въ высоты небесъ и въ преисподнюю земли, чтобы постигнуть тайны Божества и природы.)

Лишь тотъ, кто позналъ свой собственный духъ и овладѣлъ его силами, можетъ познать и подчинить себѣ другихъ духовъ. Самопознание и искусство владѣть собой идутъ здѣсь рука объ руку. Они взаимно обуславливаютъ другъ друга; одно вытекаетъ изъ другого. Лишь тотъ, кто самъ поднимается на вершину горы, можетъ дышать чистымъ горнымъ воздухомъ и наслаждаться открывающимся передъ его взорами видомъ. Чѣмъ выше онъ поднимается и чѣмъ прочнѣе онъ обосновывается на этой горной высотѣ, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ себя тамъ, какъ дома, тѣмъ болѣе онъ господствуетъ надъ всѣмъ, что лежитъ ниже его. Тотъ же, кто остается среди толкотни мятущейся толпы, тотъ самъ представляетъ собой часть этой толпы, и она будетъ тѣснить его. Лишь свободный человѣкъ обладаетъ преимуществомъ наслаждаться свободнымъ кругозоромъ, какъ въ мірѣ духовномъ, такъ и въ мірѣ матеріальномъ; но большинство людей связаны своими себялюбивыми желаніями и потому несвободны.)

(«Крайности сходятся», какъ гласитъ старинная пословица. Нерѣдко самый мелочной, черствый эгоизмъ уживается рядомъ съ разнузданнымъ фантазерствомъ въ области религіозной. Величайшую порочность и алчность нерѣдко можно встрѣтить у тѣхъ, чья фантазія усиленно занята сверхъестественными предметами. Изъ болѣзненныхъ состояній души проистекаютъ нездоровыя духовныя теченія и всяческія уродливыя явленія. Многихъ гонять въ объятія нездороваго мистицизма неспокойная совѣсть и страхъ передъ смертью. Нравственно изувѣченные, мучимые дурными страстями, люди ищутъ спасенія у духовъ, надувающихъ ихъ, и такимъ образомъ становятся добычей злыхъ силъ.) Противоестественное и сверхъестественное близко соприкасаются другъ съ другомъ. Тотъ, кто не остался вѣрнымъ своей истинной человѣческой природѣ и въ то же время ищетъ того, что выше его природы, легко уклоняется въ сторону противоестественнаго. Онъ подобенъ ослѣпнувшей птицѣ, которая въ поискахъ своего гнѣзда летаетъ то надъ нимъ, то ниже его, и въ концѣ концовъ, истощенная, летитъ

стремглавъ въ пропасть. Человѣкъ, покинувшій незыблемую скалу духовной вѣры, не можетъ найти въ себѣ никакой иной прочной точки опоры. Такіе люди ищутъ утѣшенія во внѣшнихъ вещахъ, обращаются къ „духамъ“, которые дурачатъ ихъ. Всякія внѣшнія утѣшенія—лишь способы одурманивать себя; они могутъ на мгновеніе притупить чувствительность, но не излѣчиваютъ болѣзни, а скорѣе лишь еще болѣе ослабляютъ того, кто прибѣгаетъ къ нимъ.

Многихъ увлекаетъ въ темный лабиринтъ спиритизма и оккультизма непреодолимое стремленіе удовлетворить свое любопытство. Но такіе люди бываютъ не въ состояніи выбраться изъ этого лабиринта, потому что въ этомъ мірѣ сновъ и иллюзій имъ не свѣтитъ путеводная звѣзда истины. (Они стараются освѣтить тайны Божества тусклымъ свѣтомъ человѣческаго разсудка, этого порожденія земли, забывая, что лишь духъ Божій въ человѣкѣ можетъ „проникать глубины Божія“. Не можетъ быть познанія истины, тамъ гдѣ нѣтъ Духа истины, святого Духа, который есть Духъ истиннаго самопознанія и свободенъ отъ всякой алчности и тщеславія. Поденщикъ, который, не думая о самомъ себѣ, исполняетъ свои обязанности чисто изъ любви къ дѣлу, порученному ему, стоитъ ближе къ истинному познанію, чѣмъ исполненный горделиваго самомнѣнія „философъ“, который поглощенъ всецѣло желаніемъ увеличить свою эрудицію или стремленіемъ добиться извѣстности. До тѣхъ поръ, пока святой духъ безкорыстной любви не оживетъ къ нашему сердцу и не просвѣтитъ нашъ умъ, мы не можемъ подняться къ высшей области духовнаго міра, гдѣ обитаютъ чистые духи, тогда какъ преисподняя*) населена лишь нечистыми существами, обитателями ночной области заблужденій и лжи.

Многіе предаются тому, что они называютъ „религіей“, словно спорту или развлеченію и потому не могутъ достигнуть истиннаго познанія; ибо мудрость желаетъ быть единственнымъ властелиномъ въ сердцѣ человѣка. Софисты, торгаши и фарисеи должны быть изгнаны изъ святилища человѣческой души, чтобы въ немъ могъ вспыхнуть свѣтъ истины. Въ Писаніи сказано, что удобнѣе верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому**) войти въ Царство Божіе. „Гдѣ будетъ трупъ, тамъ соберутся орлы“.

*) Подробности объ этихъ областяхъ читатель найдетъ въ сочиненіи Артура Вебера „Die Bewusstseinsreiche im Weltall“.

**) Т. е. человѣку, вслѣдствіе своей алчности привязанному къ своему личному имуществу.

Куда человекъ влекутъ его страстные желанья, тамъ и живетъ его сердце. Къ чему онъ стремится, къ тому онъ и привязанъ. Тотъ, кто желаетъ подняться на вершины духа и познакомиться съ ихъ обитателями, тотъ долженъ освободиться отъ тяжестей, мѣшающихъ ему, и сбросить съ себя цѣпи, приковывающія его ко всему низменному. (Что толку въ томъ, что мы будемъ проявлять большую эрудицію, рассуждая о небесномъ, когда мы еще не высвободились изъ болота чувственности и матеріальности, въ которомъ мы погрязли. Наши теоріи не принесутъ намъ особой пользы послѣ нашей смерти. Въ настоящую минуту, пока день нашей жизни еще не пришелъ къ концу, жизнь даетъ намъ силу, нужную для нашего подъема.)

Подъемъ этотъ заключается не въ горделивомъ самомнѣніи, заставляющемъ вообразить себя сверхчеловѣкомъ и ставить себя выше другихъ людей, а въ переростаніи себялюбія и самомнѣнія, ставящаго выше всего личный интересъ,—въ духовномъ ростѣ, при которомъ человекъ ни на минуту не покидаетъ твердой почвы своихъ земныхъ обязанностей. Дубъ коренится въ землѣ и изъ нея извлекаетъ свою силу. Благодаря этому онъ растетъ и простираетъ свои вѣтви къ нему. Фантазеръ же, ищущій своего спасенія подъ облаками или въ пустопорожнемъ мірѣ, живетъ какъ бы во снѣ. Онъ теряетъ твердую почву подъ ногами, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваетъ и свои силы. Изъ этого рода людей рекрутируется множество спиритовъ, живущихъ и умирающихъ въ райскихъ садахъ ихъ собственной фантазіи, которые могутъ удовлетворять лишь людей неразумныхъ. Это люди, которые, потерявши ту твердую почву, которая обрѣтается въ насъ самихъ, думаютъ найти опору въ царствѣ духовъ и цѣпляются за всякую соломинку, которую имъ протягиваетъ шаловливый бѣсенокъ. Не въ томъ заключается духовный прогрессъ, что человекъ бросаетъ все матеріальное и витаетъ своей фантазіей въ идеальномъ, а въ томъ, что онъ находитъ свое истинное я, оставаясь въ мірѣ матеріи, развивается въ этомъ мірѣ и осуществляетъ идеальное въ самомъ себѣ.

Первымъ средствомъ для достиженія этого служить истинное ученіе, но, помимо осуществленія въ жизни, оно не имѣетъ никакого практическаго значенія и даже можетъ повлечь за собой большія опасности; ибо вмѣстѣ съ ростомъ знанія растетъ и отвѣтственность человека. Если онъ знаетъ, въ чемъ добро, и въ то же время все-таки не желаетъ оставить зла, то онъ вступаетъ на путь, ведущій въ адъ. Тогда уже нельзя болѣе сказать: „Отче!

прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлають*. Тогда это злое, что человѣкъ посяялъ, ему придется самому пожать. Въ одномъ голѣмъ знаніи еще мало толка. Знаніе безъ любви не дастъ удовлетворенія. Чуждый любви разсудокъ—порожденіе міра матеріальнаго; онъ тяготеетъ къ нему и увлекаетъ душу человѣка внизъ, къ вещественному. Истинное же познаніе не отдѣлено отъ Бога; оно исходитъ отъ Бога и возвращаетъ насъ къ Нему.

Ученія, переданныя намъ Е. П. Блаватской, разсѣяли немало заблужденій и сдѣлали болѣе доступными для разсудочнаго пониманія многія духовныя истины. Они позволяютъ намъ пріобрѣсти нѣкоторое теоретическое понятіе о различныхъ областяхъ духовнаго міра и объ ихъ обитателяхъ. Въ ученіяхъ этихъ содержится величественнѣйшая философія, когда-либо возвѣщавшаяся міру, философія обладающая силой просвѣтитъ и облагородитъ людей. Но преждевременное обнародованіе тайнъ эзотерическаго ученія, предназначавшихся лишь для посвященныхъ, т. е. для людей, обладающихъ достаточной чистотой настроенія и духовной зрѣлостью, чтобы надлежащимъ образомъ усвоить эти ученія, подало поводъ къ цѣлому ряду недоразумѣній и открыло ворота не только суевѣрію, но и черной магіи.

Когда дождь падаетъ на невоздѣланную ниву, то на ней вырастають однѣ лишь сорныя травы. Свѣтъ истины самъ по себѣ никому, не приносить вреда; но этотъ послѣдній проистекаетъ изъ невѣрнаго пониманія истины. Какъ изогнутое зеркало отражаетъ все въ искаженномъ, карикатурномъ видѣ, такъ и истина искажается, отражаясь въ извращенной душѣ. Лѣкарство можетъ подѣйствовать какъ ядъ, если оно неразумно примѣняется. Есть немало людей, стремящихся овладѣть божественными силами, съ той цѣлью, чтобы использовать ихъ для достиженія низменныхъ цѣлей. Подобныя попытки таятъ въ себѣ величайшую опасность; ибо тотъ, кто, не будучи способенъ возвыситься до божественнаго, пытается низвести его до своего низменнаго уровня, тотъ оскверняетъ святыню и тѣмъ самымъ принижаетъ самого себя. Тотъ, кто пріобрѣтаетъ магическія силы и пользуется ими во зло, тотъ самъ обрекаетъ себя на гибель.

Такъ какъ человѣкъ можетъ общаться съ духами лишь духовно, то для такого общенія ему необходимо самому одухотвориться, а первымъ шагомъ въ этомъ направленіи является очищеніе, т. е. преодоленіе всѣхъ своихъ злыхъ наклонностей и вожделѣній. Какъ можетъ человѣкъ господствовать надъ духами, обитающими въ иныхъ сферахъ, если онъ не въ состояніи еще

овладѣть и тѣми духами, которые обитаютъ въ немъ самомъ? Только тотъ настоящій спиритъ, кто владѣетъ самимъ собой и господствуетъ надъ духами, а не тотъ, кто является лишь безвольной куклой и игралищемъ въ рукахъ этихъ духовъ. Таковъ уже законъ, господствующій во всей природѣ, что лишь путемъ преодоленія низшаго можно достигнуть высшаго. Цвѣтокъ лотоса подымается надъ водой, чтобы наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ и свѣжестью воздуха; точно такъ же и тотъ, кто хочетъ дышать эфиромъ небесъ, долженъ возвыситься надъ болотомъ всякой низменной обыденщины. Для того, кто сознаетъ себя гражданиномъ царства небеснаго, общеніе съ высшими духами не только мыслимо и возможно, но и является повседневымъ фактомъ.

II.

Духовное общеніе между живыми.

„Двѣ души—в одна лишь мысль; два сердца—но бьются они въ унисонъ“.

Всякое общеніе между людьми имѣетъ духовную основу; высшія средства служатъ лишь для облегченія духовнаго общенія. Духъ есть сознаніе. Помимо духа не могло бы доходить до нашего сознанія никакое сближеніе съ тѣмъ, что внѣ насъ. Мы живемъ въ объективномъ мірѣ и окружены предметами, о которыхъ мы знаемъ лишь то, что доходитъ до нашего сознанія. Слѣдовательно извѣстный намъ міръ есть въ дѣйствительности міръ субъективный—или созданный нами самими, или произвольно возникнувшій въ нашемъ воображеніи. При помощи нашего разсудка, функционирующаго черезъ посредство мозга, мы не можемъ узнать ничего о духовной жизни даже нашихъ наиболѣе близкихъ знакомыхъ и друзей; мы знаемъ лишь впечатлѣнія, доходящія до насъ, при помощи нашихъ органовъ чувствъ и воспринимаемыя нами. Изъ этихъ впечатлѣній мы составляемъ себѣ представленіе о томъ или иномъ лицѣ и о его качествахъ—представленіе, часто совершенно не соответствующее дѣйствительности. Въ этомъ не разъ приходилось убѣждаться всякому, кому случалось разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ, благодаря тому, что онъ составилъ себѣ о комъ-нибудь черезчуръ идеализированное представленіе. Мы говорили: „Эта особа красива“. Выражаясь болѣе философски, слѣдовало бы сказать: „Впечатлѣніе, которое

я получаю отъ этой особы, красиво“. Въ сущности говоря, мы любимъ не самое данное лицо, а образъ его, живущій въ нашей душѣ, и мы переносимъ свою любовь и на внѣшній намъ объектъ, на самую данную личность.

Все внѣшнее есть лишь видимость; представленіе отдѣляетъ отъ насъ объектъ, любовь же проникаетъ и соединяетъ. Не тѣлесное сближеніе, а душевная гармонія связываетъ людей и приводитъ ихъ другъ къ другу. Физическое разстояніе при этомъ не играетъ никакой роли. Часто можно болѣе любить человѣка, когда онъ далеко отъ насъ, чѣмъ когда мы съ нимъ видимся; потому что, когда мы разлучены съ нимъ, мы имѣемъ о немъ лишь идеальное представленіе, тогда какъ при физическомъ сближеніи съ нимъ могутъ получиться впечатлѣнія, нарушающія чистоту и силу нашего чувства. Мы не думаемъ о недостаткахъ отсутствующаго лица, которое мы любимъ; но когда мы находимся въ его обществѣ, то его недостатки сами навязываются на то, чтобы мы обратили на нихъ вниманіе. Два человѣка могутъ быть пространственно отдѣлены другъ отъ друга тысячами миль, и все же у нихъ можетъ быть одно сердце и одна душа, такъ тѣсно будутъ они связаны другъ съ другомъ духовно; другіе же могутъ быть мужемъ и женой и все же быть безконечно далекими и чуждыми другъ другу. Чисто внѣшнія связи не имѣютъ длящейся цѣнности; но тѣ, кто связаны другъ съ другомъ душевной связью, тѣ соединены Богомъ навѣки, и сама смерть не въ силахъ разлучить ихъ.

Бездушное общеніе между людьми напоминаетъ пляску мертвецовъ. Блестящіе балы и вечера, на которыхъ все рассчитано лишь для видимости, не доставляютъ мыслящему человѣку длящагося удовлетворенія. Пустая болтовня не привлекаетъ его, а, наоборотъ, отталкиваетъ. Способность рѣчи дана людямъ для того, чтобы они могли достигнуть взаимнаго пониманія. Но тамъ, гдѣ нѣтъ духовной гармоніи, тамъ не можетъ быть достигнуто взаимное пониманіе хотя бы и при помощи множества словъ; тамъ же, гдѣ царитъ полное единомысліе, можетъ и вовсе не быть надобности въ словахъ: тамъ бываетъ иногда достаточно одного лишь взгляда, пожатыя руки и даже одной лишь мысли. Внѣшняя рѣчь есть лишь вспомогательное средство для установленія мысленнаго согласія. Со временемъ, когда мы будемъ болѣе одухотворены, внѣшняя рѣчь уже не будетъ столь необходима какъ теперь.)

Въ настоящее время въ научныхъ кругахъ часто можно—бываетъ—слышать разговоры о передачѣ мыслей на разстояніе или телепатіи, причемъ объ этомъ разсуждаютъ какъ о чемъ то совер-

шенно новомъ, чудесномъ и невѣроятномъ. На самомъ же дѣлѣ приходится изумляться тому, что ученые только въ наше время заинтересовались этими явленіями, которыя уже давнымъ давно были извѣстны даже дѣтямъ. Человѣкъ, вполне лишенный интуиціи, который не могъ бы совершенно угадывать чужихъ мыслей, былъ бы подобенъ чурбану, который надо толкнуть, для того чтобы онъ сдвинулся съ мѣста. Даже собаки, кошки, лошади и многія другія животныя часто понимаютъ невысказанную мысль своего хозяина, даже безъ того, чтобы ему при этомъ приходилось прибѣгать къ мимикѣ. Животныя вѣдь также обладаютъ душой, о чемъ свидѣтельствуетъ уже самое латинское слово, означающее „животное“,—*animal* (отъ *anima*—душа); но у людей, лишенныхъ душевной жизни, потому что все ихъ существо, такъ сказать, растворилось безъ остатка во внѣшней, чувственной дѣятельности,—у такихъ людей отсутствуетъ интуиція. Общеніе между такими бездушными существами можетъ быть только внѣшнее; общеніе же между душами бываетъ внутреннимъ, духовнымъ, и при немъ все внѣшнее имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Когда гармонически сливаются два музыкальные тона, звучащіе въ унисонъ, то изъ нихъ образуется одинъ тонъ, хотя бы источники, изъ которыхъ они оба исходятъ, и находились на очень большомъ разстояніи другъ отъ друга. Точно также и двѣ одинаково настроенныя души взаимно понимаютъ другъ друга и разстояніе при этомъ не играетъ никакой роли. Мысль уносится вдалѣ быстрѣ электричества и паритъ хотя бы до самыхъ звѣздъ. Дѣйствіе мысли на разстояніи извѣстно всякому, у кого пробудилась внутренняя жизнь, и каждый можетъ убѣдиться въ дѣйствительности этого путемъ опыта, если только онъ обладаетъ чуткой душой. Приведемъ самый обыденный примѣръ: кому не случалось вдругъ, ни съ того ни съ сего, начать думать о какомъ-нибудь далеко уѣхавшемъ знакомомъ, о которомъ до того уже давно не приходилось вспоминать? И вотъ оказывается, что вскорѣ послѣ этого получается письмо отъ этого знакомаго, написанное именно тогда, когда мы объ немъ думали. Болѣе того, иногда уже заранѣе бываешь увѣренъ въ томъ, что отъ него получишь письмо и даже предвидишь, каково будетъ его содержаніе. Что бываютъ предчувствія—это столь же несомнѣнно, какъ и то, что существуетъ интуиція. То, что предчувствія иногда вводятъ въ заблужденіе, доказываетъ лишь, что мы несовершенно воспринимаемъ доходящія до насъ вибраціи. Человѣкъ, отрицающій это, поступаетъ столь же неразумно, какъ тотъ, кто вздумалъ бы от-

рицать существованіе какого-нибудь языка на томъ основаніи, что онъ его плохо понимаетъ.

Все существующее субстанціально; нѣчто, лишенное субстанціи, не могло бы обладать и существованіемъ и было бы немислимо. И мысли также субстанціальны, хотя онѣ и состоятъ изъ вещества, болѣе утонченнаго, чѣмъ то, съ которымъ мы обыкновенно имѣемъ дѣло. Мы говоримъ о вибраціяхъ, о колебаніяхъ, но не можетъ быть колебаній безъ чего-нибудь, что колеблется. Вся вселенная есть субстанція, и безъ этой послѣдней міръ обратился бы въ ничто. Мы не создаемъ сами звѣздъ, сіяющихъ на небѣ, мы лишь видимъ ихъ. Мы не создаемъ и идей, а лишь воспринимаемъ ихъ и отливаемъ ихъ въ новыя формы. Мысли „приходятъ на умъ“, и мы не знаемъ, откуда онѣ являются. Часто онѣ оказываются непрошенными гостями, отъ которыхъ не знаешь какъ бы отдѣлаться. Мы не знаемъ точно также и того, куда уносятся мысли, посылаемыя нами вдаль, и кому онѣ „придутъ на умъ“. Такъ одинъ человѣкъ живетъ въ мысляхъ другого, получаетъ отъ него мысли и самъ передаетъ свои мысли другимъ, хотя бы онъ не зналъ ничего о дѣйствии мысли на разстояніи.

Слѣпой, къ которому обратится на улицѣ незнакомый ему человѣкъ, не знаетъ, кто съ нимъ разговариваетъ и кому онъ отвѣчаетъ; но если съ нимъ заговоритъ знакомый, то онъ можетъ узнать его по звуку его голоса. Точно такъ же, пока мы слѣпы духовно, намъ трудно бываетъ опредѣлить, изъ какого источника исходятъ доносящіеся до насъ издалека волны мысли и чувства, вліяющія на насъ; но иногда наше чувство можетъ подсказать намъ, гдѣ надо искать этотъ источникъ. Ибо всякая мысль, доходящая до насъ, представляетъ собой какъ бы часть той личности, отъ которой она исходитъ, и носить на себѣ отпечатокъ характера этого лица. Вліяющая на насъ издалека мысль друга вызываетъ въ насъ воспоминаніе о немъ, а вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ въ нашемъ воображеніи возстаетъ и образъ друга. Это вліяніе можетъ быть настолько сильно, что мы увидимъ того, кто интенсивно думаетъ объ насъ, какъ бы въ дѣйствительности, тѣлесно стоящимъ передъ нами. Въ подобныхъ случаяхъ видимый нами образъ есть созданіе нашей собственной силы представленія, возбужденной полученнымъ нами впечатлѣніемъ, и мы видимъ являющееся намъ лицо именно такимъ, каковъ сохранившійся въ нашей памяти образъ его.

Впрочемъ въ иныхъ случаяхъ видимый нами образъ можетъ соответствовать и дѣйствительному облику нашего друга, каковъ

онъ въ данное время, а не тому образу его, который мы хранимъ въ памяти; потому что, какъ сказано, мысль, оживотворенная волей даннаго лица, есть какъ бы часть его самого со всѣми его характерными качествами, и эти послѣднія выражаются въ формахъ, соотвѣтствующихъ характеру даннаго лица. Пока у человѣка не пробудилось духовное самосознаніе и, соотвѣтственно этому, не развились и способности духовнаго воспріятія, ему не всегда будетъ легко при такихъ фантазмахъ провести различіе между продуктами активнаго и пассивнаго представленія; но и въ этихъ случаяхъ чувство оказывается гораздо болѣе надежнымъ руководителемъ, чѣмъ зрѣніе. Ощущаемыя нами психическія вліянія, исходящія отъ людей со злой волей, ложатся на нашу душу какъ бы тяжелымъ бременемъ; наоборотъ, вліянія, исходящія отъ людей благороднаго настроенія и исполненныхъ чувства любви, вызываютъ въ насъ душевный подъемъ, а душевное соприкосновеніе съ лицомъ духовно просвѣтленнымъ вліяетъ подобно солнечному свѣту и нерѣдко оставляетъ за собой на цѣлые дни чувство счастья и блаженства.

Точно также и въ томъ случаѣ, когда мы желаемъ установить духовное общеніе съ другомъ, находящимся въ разлукѣ съ нами, чтобы имѣть возможность обмѣниваться съ нимъ мыслями, гораздо болѣе важную роль играетъ чувство, чѣмъ представленіе.

Черезъ любовь два человѣка какъ бы соединяются такимъ образомъ, что одинъ принимаетъ участіе въ ощущеніяхъ и представленіяхъ другого. Какъ сказано въ Бхагавадъ-Гитѣ: „Тотъ, кто любить какое-либо существо всѣмъ своимъ сердцемъ и думаетъ о немъ, тотъ проникаетъ въ природу этого существа, каково бы оно ни было“. Черезъ эту силу любви совершается и воплощеніе Бога въ человѣкѣ, и черезъ нсе человѣкъ можетъ соединиться со своимъ внутреннимъ Богомъ. Тѣмъ болѣе понятно, что черезъ посредство силы любви можетъ осуществляться общеніе съ людьми, съ которыми мы разлучены пространствомъ.

Въ наше намѣреніе не входитъ испещрять эти страницы длинными цитатами. Вся такъ называемая „метафизическая“ *) и спиритическая литература полна примѣрами явленій двойниковъ живыхъ людей, куда относятся также и случаи видѣнія двойниковъ лицъ, являвшихся въ моментъ своей смерти находившимся вдали отъ

*) На нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ это слово часто употребляется въ особомъ значеніи, почти какъ синонимъ термина „окултъическій“.

нихъ друзьямъ или родственникамъ. Въ біографіи Е. П. Блаватской описываются подобные случаи явленія двойниковъ живыхъ адептовъ, а Э. Герней, Майерсъ и др. научно изслѣдовали явленія „фантазмовъ живыхъ людей" и т. п. факты. Да впрочемъ едва ли найдется много мыслящихъ людей, въ семьяхъ которыхъ не было бы случаевъ подобныхъ явленій.

Общеніе съ духами живыхъ людей или, точнѣе выражаясь, душевное общеніе между людьми такимъ образомъ не только не представляетъ собой чего то невѣроятнаго, а является повседневымъ фактомъ. Всюду душа говоритъ съ душой, хотя языкъ ея и не всегда понимается; между всѣми мыслящими существами происходитъ непосредственный обмѣнъ мыслями, будь то сознательно или безсознательно. Изъ чувства возникаетъ мысль, а изъ мысли, доходящей до нашего сердца, образуется слово. Двое или болѣе лицъ, сильно охваченныхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты и одной и той же мыслью, которую всѣ они и выражаютъ приблизительно одинаково. Отсюда дружные взрывы аплодисментовъ въ театрѣ, воинственные клики при нападеніи на враговъ и т. п. Хорошій ораторъ вліяетъ на слушателей гораздо болѣе силой тѣхъ чувствъ, которыя онъ въ нихъ пробуждаетъ, чѣмъ посредствомъ хорошо обдуманнхъ аргументовъ, которые все равно оказываются совершенно безсильными, когда противъ нихъ возмущается чувство. Въ подобныхъ случаяхъ одинъ духъ вліяетъ на другого, одна душа говоритъ съ другой, и потому ораторъ прежде всего самъ долженъ обладать духомъ и душой. Разсудочные аргументы не проникаютъ дальше мозга. То же, что сказано отъ души, отъ всего сердца, то доходитъ до сердца. Ораторъ, которому приходится заучивать свою рѣчь наизусть или обдумывать то, что ему надо сказать, будетъ имѣть мало успѣха. То истинное, что чувствуетъ ораторъ, высказывается само собой, безъ долгихъ предварительныхъ размышленій; ложь же узнается по тому, что выраженіе ея носить характеръ дѣланности, вымученности.

Одна душа соединяется съ другой чрезъ посредство чувства; одинъ духъ входитъ въ общеніе съ другимъ чрезъ посредство разсудка. Хорошій актеръ своей мыслью и чувствомъ входитъ въ ту роль, которую онъ играетъ; онъ чувствуетъ себя тѣмъ лицомъ, которое онъ изображаетъ. Если я способенъ вполне проникнуть въ духъ, ощущенія и образъ мыслей другого человѣка, будь то живого или умершаго, то я буду въ состояніи и чувствовать, и думать точно такъ же, какъ онъ. Если я, такимъ образомъ, какъ